

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ БУДДИСТОВ
АЛМАЗНОГО ПУТИ ТРАДИЦИИ КАРМА КАГЬЮ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ЦЕНТР ФИЛОСОФСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ И СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

КОМИТЕТ ПО СВЯЗЯМ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ
ГОРОДА МОСКВЫ

БУДДИЗМ ВАДЖРАЯНЫ В РОССИИ: ОТ КОНТАКТОВ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

МОСКВА
АЛМАЗНЫЙ ПУТЬ
2012

УДК 294.3
ББК 86.35
Б-90

Рецензенты: доктор ист. наук, профессор Н. Л. Жуковская (Москва), доктор филос. наук, профессор А. С. Колесников (СПб), доктор филос. наук, доцент Е. Э. Сурова (СПб), доктор ист. наук, профессор Е. В. Петров (СПб)

Редакционная коллегия: д-р. культурологии А. М. Алексеев-Апраксин (СПб), д-р искусствоведения С. Г. Батырева (Элиста, Калмыкия), канд. филос. наук Б. И. Загуменнов (СПб), канд. биол. наук Н. Н. Иовлева (СПб), канд. филос. наук Л. М. Коротецкая (Новосибирск), канд. ист. наук Р. А. Кушнерик (Усть-Кокса, Респ. Алтай), канд. ист. наук Е. В. Леонтьева (Москва), канд. филос. наук Е. В. Малышкин (СПб), В. М. Монтлевич (СПб), д-р филол. наук Н. А. Нагорная (Белгород), канд. филол. наук Г. Н. Чимитдоржиева (Улан-Удэ, Бурятия)

Составитель: В. М. Дронова (СПб)

Переводчики: А. Зятькова (Москва), П. Калачин (Загужаны, Польша), А. Козяева (СПб), О. Кривовяз (СПб), И. Кунилова (Екатеринбург), Е. Леонтьева (Москва), Е. Марусик (Красноярск), Е. Проскурина (СПб), Ю. Сафина (Иркутск), И. Ситников (Екатеринбург)

Б-90

Буддизм Ваджраяны в России: От контактов к взаимодействию / Отв. ред. А. М. Алексеев-Апраксин; Сост. В. М. Дронова — М.: Алмазный путь, 2012. — 880 с.: илл.

ISBN 978-5-94303-043-7

Коллективная монография посвящена осмыслению места и роли буддизма в российской культуре. Основана на материалах ключевых докладов, представленных вниманию участников II Международной научно-практической конференции «Буддизм Ваджраяны в России: От контактов к взаимодействию», прошедшей в Институте востоковедения Российской Академии наук (г. Москва) 16–18 октября 2010 г. с участием ученых 12 стран. Специально подготовленные для настоящего издания статьи отражают широкий спектр гуманитарной и естественнонаучной проблематики, связанной с межкультурными взаимодействиями.

При подготовке издания редакция основывалась на принципе плюрализма научно аргументированных точек зрения. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, собственных имен, географических названий и терминов.

УДК 294.3
ББК 86.35

© Издательство «Алмазный путь», 2012
© А. М. Алексеев-Апраксин, отв. ред., 2011
© В. М. Дронова, сост., 2011
© Коллектив авторов, 2011
© ЦРО Российская Ассоциация буддистов Алмазного пути традиции Карма Кагью, 2011

ISBN 978-5-94303-043-7

RUSSIAN DIAMOND WAY KARMA KAGYU BUDDHISTS ASSOCIATION
THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
CENTRE FOR PHILOSOPHICAL COMPARATIVE STUDIES AND
SOCIAL-HUMANITARIAN RESEARCH AT THE PHILOSOPHY DEPARTMENT
OF SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY
CULTURE RESEARCH CENTRE AT THE PHILOSOPHY DEPARTMENT
OF SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY
THE COMMITTEE FOR LIAISONS WITH RELIGIOUS ORGANIZATIONS OF
MOSCOW CITY GOVERNMENT

VAJRAYANA BUDDHISM IN RUSSIA: FROM CONTACT TO INTERACTION

MOSCOW
ALMAZNY PUT
2012

УДК 294.3
ББК 86.35
Б-90

Reviewers: DS in History, Professor N. L. Zhukovskaya (Moscow), DS in Philosophy, Professor A. S. Kolesnikov (St. Petersburg), DS in Philosophy, associate Professor E. E. Surova (St. Petersburg), DS in History, Professor E. V. Petrov (St. Petersburg)

Editorial board: A. M. Alekseev-Apraksin, DS in Cultural Studies (St. Petersburg); S. G. Batyreva, DS in Arts (Elista, Kalmykia); B. I. Zagumenov, PhD in Philosophy (St Petersburg); N. N. Iovleva, PhD in Biology (St.Petersburg); L. M. Korotetskaya, PhD in Philosophy (Novosibirsk); R. A. Kushnerik, PhD in History (Ust-Koksa, Altai Republic); E. V. Leontyeva, PhD in History (Moscow); E. V. Malyshkin, PhD in Philosophy (St. Petersburg); V. M. Montlevich (St.Petersburg); N. A. Nagornaya, DS in Philology (Belgorod); G. N. Chimitdorzhieva, PhD in Philology (Ulan-Ude, Buratiya)

Compiling Editor: V. M. Dronova (St. Petersburg)

Translators: A. Zyatkova (Moscow), P. Kalachin (Zagórzany, Poland), A. Kozyaeva (St. Petersburg), O. Krivovyaz (St. Petersburg), I. Kunilova (Ekaterinburg), E. Leontyeva (Moscow), E. Marusik (Krasnoyarsk), E. Proskurina (St. Petersburg), J. Safina (Irkutsk), I. Sitnikov (Ekaterinburg)

Б-90

Vajrayana Buddhism in Russia: From Contacts to Interaction / Executive editor A. M. Alekseev-Apraksin; Compiling editor V. M. Dronova — Moscow: Almazny Put, 2012. — 880 p.: ill.
ISBN 978-5-94303-043-7

The collective monograph is devoted to understanding of the role and place of Buddhism in Russian culture. It is based on the key reports submitted by the participants of the II-nd International scientific conference «Vajrayana Buddhism in Russia: From Contacts to Interaction». It was held at the Institute of Oriental Studies of RAS (Moscow, October 16–18, 2010). The present collective research reflects a wide range of topics pertaining to the humanities and natural sciences and connected to cross-cultural interaction.

While preparing the publication the editorial office was based on the principle of pluralism in relation to scientifically reasoned viewpoints. The authors of the published material take responsibility for the selection and the accuracy of the factual and statistical data, quotations, proper names, place names and geographical terms.

УДК 294.3
ББК 86.35

© «Almazny Put» Publishing company, 2012
© A. M. Alekseev-Apraksin, executive editor, 2011
© V. M. Dronova, compiling editor, 2011
© Collective of authors, 2011
© CRO Russian Diamond Way Karma Kagyu Buddhists Association, 2011

ISBN 978-5-94303-043-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Буддизм Ваджраяны в России имеет многовековую историю. Интерес к нему сегодня заметен не только в востоковедных кругах, но и среди широких слоев населения. Осуществляемый диалог между культурами, покидая смысловые пределы первых контактов, уже давно перешел в стадию реальных взаимодействий. Необходимость анализа связанных с этим реалий объединила исследователей из 12 стран (Россия, Украина, Казахстан, Кыргызстан, Германия, Польша, Великобритания, Испания, Франция, Австрия, Дания, Индия), встретившихся на II Международной научно-практической конференции «Буддизм Ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию» (Москва, ИВ РАН, 2010) для обсуждения проблем освоения и бытования буддизма в пространстве российской культуры. Доклады на этом научном форуме, инициатором которого выступила Российская Ассоциация буддистов школы Карма Кагью* и ряд научных центров Москвы и Санкт-Петербурга, послужили основой для написания статей, представленных в настоящей коллективной монографии.

Темы, объединившие авторов книги, связаны с проблемами культурной идентичности, истории буддизма в России и с современными глобальными изменениями. В связи с этим, в издание вошли горячо обсуждаемые на конференции компаративистские наблюдения, исследования, посвященные диалогу разных типов ментальности, буддийским практикам и формам рецепций традиций Ваджраяны. Настоящая монография представляет также развернувшиеся психологические и искусствоведческие дискуссии, дает место естественнонаучной аналитике, работам посвященным проблемам перевода буддийских текстов, буддийскому образованию в России. Кроме того, в продолжение к настоящему предисловию, редакцией было принято решение познакомить читателя с приветственными словами, сказанными организаторами и участниками международного проекта, хорошо воспроизводящими атмосферу мероприятия и открытость к конструктивному диалогу.

В заключение следует отметить, что год, в который проводилась конференция, был объявлен ЮНЕСКО Международным годом сближения между культурами (2010). Это приятное совпадение может рассматриваться как подтверждение осознания не только отдельными учеными, но и мировой общественностью в целом значимости межкультурного взаимодействия, в ходе которого прокладываются маршруты, открывающие новые горизонты для мира в XXI веке.

А. Ш. Койбагаров, А. М. Алексеев-Апраксин

FOREWORD

Vajrayana Buddhism in Russia has a centuries-long history. Nowadays, interest in the teaching has grown beyond limited Oriental circles, outward to the general public. It is a long time since the dialogue between cultures developed beyond the conceptual boundaries of initial contacts and entered the stage of active interaction. This generated the need to analyse the relative

* С 31 мая 2011 года Российская Ассоциация буддистов школы Карма Кагью официально называется: централизованная религиозная организация Российская Ассоциация буддистов Алмазного пути традиции Карма Кагью.

situation and brought together researchers from 12 countries (Russia, Ukraine, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Germany, Poland, Great Britain, Spain, France, Austria, Denmark and India). The group met within the framework of the Second International Scientific Conference «Vajrayana Buddhism in Russia: from Contact to Interaction» (Moscow, The Institute of Oriental Studies of RAS, 2010), to discuss issues connected to the existence and spreading of Buddhism in Russia. The articles for this volume were written based on the presentations delivered at this scientific forum which was instigated by the Russian Association of Buddhists of the Karma Kagyu School* along with a number of scientific centres in Moscow and Saint-Petersburg.

The topics which unite the authors of this volume relate to problems of cultural identity, the history of Buddhism in Russia, as well as contemporary global changes. This publication includes issues fervently discussed at the conference, observations and research belonging to comparative studies dedicated to a dialogue of the different types of rationality, Buddhist practices and type of reception for Vajrayana traditions. The present volume reflects the psychological and art discussions which took place at the conference. It also provides space for analytical articles pertaining to natural sciences and works on issues related to translation of Buddhist texts and Buddhist education in Russia. The editorial board also decided to acquaint readers with the welcome addresses by the organizers and participants of the international project that reflect well the atmosphere of the event and openness to constructive dialogue.

Finally, it is worth mentioning that UNESCO announced the year our conference took place as the International Year for the Rapprochement of Cultures (2010). This pleasing coincidence of initiatives can be considered as proof that not only some scientists but also the world public are aware of the importance of cross-cultural dialogue which enables the laying of routes that open new horizons for the world of the XXI century.

A. Sh. Koibagarov, A. M. Alekseev-Apraksin

* Starting from the 31st of May, 2011 Russian Association of Buddhists of Karma Kagyu school has an official name Centralized Religious Organization Russian Diamond Way Karma Kagyu Buddhists Association.

ренции обзывали конвертитам, с чем мы категорически не согласны, но считаем, что каждый учёный имеет право высказать своё мнение. То есть мы хотим, чтобы ученые на этих конференциях чувствовали себя свободно, чувствовали нашу заинтересованность. Мы надеемся, что и обществу это будет полезно. Буддизм в России является традиционной религией. И сейчас он переживает новый расцвет — во всех городах возникает много буддистских организаций. Туда приходят люди, у которых раньше не было ни семейных, ни национальных связей с этим учением. Это значит, что буддизм нужен современному обществу, современным людям, которые хотят достигнуть древней буддистской цели: счастья, бесстрашия, знания, развития любви и сочувствия.

А. М. Алексеев-Апраксин

(Доктор культурологии, преподаватель факультета философии Санкт-Петербургского государственного университета)

Здравствуйте коллеги в дхарме и друзья в науке! Как организатор и участник обеих конференций, хочу отметить, для недавно присоединившихся, что уникальность данных мероприятий заключается в их принципиальной кросс-дисциплинарности. И это не дань моде и не надуманный академический изыск, но признание того, что обсуждаемая проблематика перестала восприниматься как специализированная тема, помещающаяся в рамки того или иного научного направления. Контакты между культурами требуют многоаспектного осмысления. Тем более сегодня, когда практически, не найти ни одной сферы человеческой деятельности, которая не была бы прямо или косвенно связана с межкультурным взаимодействием. Когда всё происходящее в экономике, политике, науке, праве, в искусстве и повседневной жизни пребывает в контексте взаимодействий и во многом детерминировано ими. Важно и то, что независимо от того, интерпретируем ли мы межкультурные контакты как позитивные, негативные или нейтральные, они оказываются чрезвычайно важны для всех и каждого, поскольку в любом случае приносят опыт, расширяющий представление о мире, дают людям стимулы для личностного изменения. Можно также утверждать, что взаимодействие между Востоком и Западом — это важнейшее условие культуро- и антропогенеза. Сегодня овладение буддийским наследием помогает противостоять идеологической догматизации в любых сферах, позволяет избежать кристаллизации культурных норм, наделяет нас способностью к саморефлексии — важнейших компонентов плодотворного и гармоничного развития отечественной культуры.

the scientists who don't agree with us and with whom we have disputes with. For instance, at the last conference we were accused of being converters, and we strongly disagree with that, but we think that every scientist has right to express his or her opinion. Thus, we would like scientists at our conferences to feel free to express themselves whilst feeling the strength of our interest. We hope that for society in general it will be also useful. Buddhism in Russia is a traditional religion and is currently experiencing a new boom, in all big and even smaller cities, many Buddhist organizations are now appearing and people come that have had no family history of Buddhism and no national or other related teaching. This means that Buddhism satisfies a growing need for contemporary society and modern people who want to achieve an old Buddhist goal: happiness, fearlessness, development of love and compassion.

A. M. Alekseev-Apraksin

(DS in Cultural Studies, Senior Lecturer of the Faculty of Philosophy at St. Petersburg State University, St. Petersburg)

Dear colleagues in dharma and friends in science! As an organizer and a participant of both conferences I would like to note for those who have recently joined, that the uniqueness of these events and the publications based on them is in their fundamental cross-disciplinarity. It is not an attempt to follow the fashion or a farfetched academic pretentiousness, but it is the recognition of the fact that the discussed subject matter has stopped being perceived as a specialized topic placed within the frames of one or another scientific school. Contacts between cultures require multiple-aspect understanding. It is even more true today, when you just can't find a sphere of human activity, which is not, directly or indirectly connected with intercultural interaction. When everything, what is going on in economy, politics, science, law, art or everyday life, is in the context of interactions and in many aspects determined by them. Whether we interpret intercultural contacts as positive, negative or neutral, they turn out to be extremely important for everybody, as anyway they bring experience, widening our world view, and give people stimuli for a personality change. One can assert that interaction between East and West is the most important condition of culture- and anthropogenesis. Today acquiring Buddhist heritage helps to resist ideological dogmatization in any spheres, allows avoiding crystallization of cultural norms, gives us ability to self-reflection — major components for fruitful and harmonious development of our country's culture.

ДИАЛОГ МИРОВОЗЗРЕНИЙ И ГЛОБАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

А. М. Алексеев-Апраксин (Санкт-Петербург)

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Межкультурные контакты — это важнейшее условие развития культуры и человека. Их универсальный характер подтверждается всей известной историей человечества, которая не располагает примерами абсолютно обособленного развития без непосредственного или отдаленного взаимодействия и взаимного влияния между отдельными культурными ареалами. Даже практика культурных изолятов не представляет здесь исключения, поскольку в изоляции те или иные группы оказались уже с достаточно широким набором культурных традиций. Сравнительный анализ позволяет нам также увидеть, что ряд культур осуществляют обмен достаточно быстро и легко. Например, большинство стран Евросоюза, имея общую историю и культурное родство, объединив экономики и открыв границы для своих граждан, практически без проблем интегрируют культурные ценности и достижения друг друга. Но на оси «Запад–Восток» мы обнаруживаем культуры, которые исторически и мировоззренчески отдалены друг от друга. Анализ осуществляемого ими диалога приводит к парадоксальному умозаключению — чем сильнее культурные отличия, тем большее воздействие контактирующие народы оказывают друг на друга. Мало того, в современной ситуации такой диалог способен изменить суть взаимодействующих культур. Можно также утверждать, что именно благодаря нему культуры становятся самоосознающими.

Погружаясь в компаратив межкультурного общения, мы не только обогащаем свои представления о мире, но и расширяем сферу собственной культуры, которая существует как диапазон возможностей мотивированной активности человека осуществляемой от «первого лица» в результате свободного волеизъявления.

Природа межкультурных взаимодействий настолько сложна, что ставит нас перед необходимостью искать предельные основания, причины

контактов, обращая пристальное внимание на то, что любому контакту предшествует. Ведь, по сути, когда мы говорим о контактах или взаимодействии культур, речь идет о процессах, предполагающих выход за пределы собственной культуры. Этот выход за привычные формы жизни так же сложен, как выход за пределы собственного тела. А ведь чужая культура никому не предписана, и люди вступают в межкультурные контакты только тогда, когда иначе не могут поступить, поскольку взаимодействие — это экзистенциальное действие, последствия которого, как правило, неизвестны. Следует отметить и то, что в современном мире люди вне зависимости от желания, фактически, обречены на межкультурные контакты, и от того, в каком режиме они будут осуществляться, зависит всеобщее благополучие в настоящем и будущем.

Проблема контактов — это также проблема пограничного существования. Несмотря на экзистенциальность ситуации люди не могут выжить и развиваться без контактов друг с другом. Они движутся навстречу в поисках расширения своих возможностей, договариваются о взаимной безопасности и перенимают опыт, без которого им грозят стагнация и гибель. Причины могут быть самые разные — нехватка собственных ресурсов, желание вырваться из своей специализации или необходимость заимствовать способы противостояния природным стихиям. Например, обнаруживается, что без централизованного управления стране грозит хаос, и тогда происходит обращение к чужому опыту: Чингисхана — к китайскому, Владимира — к византийскому. Или вдруг выясняется, что методы выживания собирательством оказались исчерпанными, недостаточными и необходимо перейти к другому способу землепользования. Эта закономерность обращения к Другому подтверждается не только примерами из истории, но и современностью, в которой, с одной стороны, любой контакт воспринимается как потенциально опасный, как случай требующий страхования, а с другой — как крайняя необходимость. Например, в ситуации современной России, когда модернизация и избавление от сырьевой зависимости становится главным вопросом дальнейшего существования и развития страны.

Анализируя содержание культуры, которая предстает перед нами как инициируемый человеком непрерывный процесс, разворачивающийся в многоуровневом пространстве традиций и инициатив¹, мы обнаруживаем, что важнейшая из основ межкультурного общения обусловлена поиском и нахождением различных способов жизнеобеспечения и выживания. Эта сфера культурных взаимодействий служит покрытию базовых потребностей человека, всему тому, что вызвано его фундаментальными дефицитами, связано с трудом, с физическим

и психологическим напряжением. Основной движущей силой к контакту с Другим, помимо сохранения собственной жизни и того, что К. Ясперс называл чувственно-соматическими влечениями², здесь является прагматический интерес.

Проблема выживания порождает несколько специфических полей личностного и группового межкультурного взаимодействия: социальное, политическое, экономическое, а также сопутствующие им направления межкультурных коммуникаций, оформленных ныне в такие дисциплины, как юриспруденция, маркетинг, менеджмент и другие. Все эти формы взаимодействия — межличностные, внутри- и межгрупповые представляют собой стихийно возникающие, сохраняемые и развиваемые или утрачиваемые возможности сохранения жизни. Например, сегодня в ряде стран на юге Центральной и соседних областях Средней Азии в связи с экономическим кризисом люди, лишившись электричества и других благ цивилизации, фактически возвратились к древним формам обеспечения жизни и землепользования, которые, к счастью, не были утрачены.

Другая, не менее фундаментальная основа культурных взаимодействий — восстановление человека — это и организация свободного времени, и содержание досуга и разнообразные виды релаксации. Структурно эти виды межкультурных контактов также могут быть индивидуальными, межличностными и коллективными. Возникая как необходимое следствие жизнедеятельности человека, они служат восстановлению физических и психологических сил, призваны разнообразить жизнь, способствовать бытийному развитию личности. Движущей силой этой сферы контактов выступает стремление к получению удовольствия, исход от привычного, надоевшего. Необходимость обращения к Другому здесь связана с тем, что любая культурная форма не вечна, но живет

¹ Обращение к глубинным содержаниям культуры не отменяет важности положений просемики, представляющей культурное пространство говорящим, наделенным значением, варьирующимся от культуры к культуре, обладающим сильными и слабыми культурными кодами. Однако именно анализ содержания этих пространств даёт возможность по-новому рассмотреть формы межкультурного взаимодействия.

² Классификация влечений по Ясперсу: 1) чувственно-соматические (секс, голод, жажда); 2) жизненные: существования (желания, действия, стремление к самоутверждению, мужество); витально-психологические (родительская забота, стремление путешествовать); витально-творческие (стремление к работе, изображению, усиленному труду); 3) духовные.

лишь ограниченный период времени; как бы совершенна она ни была, она рано или поздно обрабатывает себя, перестает людей вдохновлять. Сколько бы мы ни восхищались хором в греческой драме, английскими контрдансами, польским полонезом или мазуркой, эти формы истощили свой ресурс воздействия на современного человека, как и любое культурное явление, они оказались исторически исчерпанными.

Необходимость покрытия образовавшихся дефицитов обращает людей к поиску нового, обеспечивающего динамику развития культуры, обращает внимание на культуры соседей, возникает из синтеза взаимодействующих культур. Обращение к Другому здесь вызвано тем, что родная культура уже больше не в состоянии обеспечить человека необходимыми ресурсами. Например, ищущую самобытности Америку в начале XX века перестали удовлетворять пуританские нормы Старого Света. Среди многочисленных культурных инноваций глотком свежего воздуха для страны, а потом и для остального мира стало появление джаза, основанного на синтезе африканских и европейских традиций. Поиск нового в данном случае — это обнаружение форм психо-физического и эмоционального восстановления. Исчерпанность ограничительной морали окончательно проявила себя во второй половине века под звуки рок-н-ролла, возвестившего начало сексуальной и психоделической революции. Девизы этого бунта — «запрещаем запрещать» и «будьте реалистами, требуйте невозможного» — говорят сами за себя. По сути, это был проблеск надежды послевоенного поколения на возможность осуществления радикальных культурных изменений. Старшее поколение было шокировано призывами к свободной любви, и дело здесь не в скромности и не в праведности идущего от добродетели возмущения. Ведь в открытом расширяющемся легальном проявлении секса в те годы действительно не было. Западный мир и Россия достаточно долго жили в других ритмах в осмыслении иного синопсиса культурного текста. В то время как молодежь, всегда устремленная ко всему новому, потому что это новое, открыла неизвестные до той поры формы жизни, неизведанный мир телесности, измененные состояния сознания, дзен. Прошло сравнительно немного времени, и выяснилось, что мир телесных удовольствий и оргийного веселья, подхваченный массовой культурой, тоже завершается и обнаженная натура уже даже не оживляет жизнь. Попытка осуществить прорыв к прошлому, к классике или перепеву «старых песен о главном» тоже не на многое способна, поскольку их ресурс исчерпан. Мы видим также массовое стремление людей к релаксации как особому терапевтическому средству обновления, однако, по сути, за этим стоит

напряженный поиск новых источников психической и эмоциональной энергии, попытка расширить диапазон возможностей ее восстановления, без чего теряются радость и полнота человеческой жизни. Отсюда и массовые путешествия, и взаимный интерес Запада к Востоку как единственной возможности покрыть дефициты собственных культур. Психологическое старение форм требует постоянного обновления. Это обновление происходит повсеместно, но, если человек не находит реальных возможностей для восстановления, он обращается к заменителям — алкоголю, наркотикам, химии и другим псевдоформам удовлетворения потребности в новых впечатлениях, прибежище в которых, как правило, заканчивается трагично.

Анализ культурных взаимодействий обращает нас к наличию еще одного основания, которое представляет выход к необозначенным дефицитам — к тому, что превосходит личные интересы отдельного человека. Ведь далеко не все удовлетворяются сытой, безопасной и эмоционально насыщенной жизнью. Есть люди, которые испытывают не замечаемые другими дефициты. Эти творчески активные, самоактуализирующиеся личности находятся в поиске, обнаружении и устремлении к высоким целям, что делает их не только способными интегрировать и мобилизовывать собственные внутренние ресурсы, которые, в отличие от той же телесности, не находятся в легком обращении, но позволяют раскрыть универсальные закономерности, обнаружить то, что способно принести пользу многим. Их устремления к иному движимы стремлением к познанию непознанного, к открытию новых каналов получения трансцендентного опыта.

Итак, речь идет о фундаментальной, но не массовой основе межкультурного взаимодействия, поскольку многие люди, одаренные в разных областях и, несомненно, имеющие творческий потенциал и возможность для духовного подъема и выхода на метакультурный уровень, к этой сфере практически не обращаются. Контакты здесь рождают несколько каналов межкультурных взаимодействий, среди которых выделяются научное и художественное, а также то, что в западной традиции принято называть духовным. Последнее в истории мировой культуры представлено выдающимися персонами, такими, как Эхнатон, Заратустра, Авраам, Махавира, Шакьямуни, Лаодзы, Конфуций, Христос, Наропа, и многими другими, порою вообще никому не известными людьми, кто нашел в себе силы выйти за пределы своих антропологических возможностей. Мы говорим в данном случае не о создании конфессий и не о профессиональной специализации людей. Неважно, философ это или художник, пророк или ученый, речь идет

о личных ориентациях, которые делают этих людей особыми, поскольку они устремлены не к росту в себе и для себя, но обращены к феноменам транскультурной значимости, к открытию новых направлений развития культуры, к поиску путей постижения мира для многих. Человек может стремиться и стать знаменитым дирижером, художником, академиком, даже нобелевским лауреатом, но это будет развитие в рамках личностного роста. Другое дело, если человек мотивирован пользой для других и видит, что это актуальное дело, что позволяет ему осуществлять безграничный рост, значительно превосходящий пределы личного существования.

Представители различных культур, ориентированные на решение актуальных проблем своего времени, многие из которых обрели статус «вечных», дали нам широкий набор совершенно разных вариантов преодоления кризисов человека. Они были предложены людям как методы, как программы действия, но человечество, оформив их идеи в культы, предпочитает им поклоняться, оставляя сами программы невыполненными. В результате Миларепа, поющий песни на снежной вершине, и Чжуан-дзы, которому снится, что он бабочка, и распятый Христос — для большинства это только сюжетно-экзотические картинки, а вовсе не нужда воспользоваться открытыми ресурсами и возможностями. Ведь и Мать Тереза, и Кармапа — это не просто феномены культурного взаимодействия — это программа, но мы ведь отказываем себе жить на базе предвиденного завтрашнего дня, хотя наука никаких внятных перспектив нам не предлагает. В ожидании получения энергии из всего мы даже не пытаемся представить последствия, к которым приведет освоение новых технологий. Мы подчиняем термоядерную энергию, но мало знаем о себе и не развиваем собственную психо-физику, в результате 80% населения страны ежедневно употребляют алкоголь, страшное сочетание. Мы даже не управляемся с населяющими нас гельминтами и, практически, не касаемся проблем внутренней природы человека.

Мы объективируем реальность, устремлены к миру внешнему, но интерес этот исключительно потребительский, уничтожающий все вокруг. О сберегающих природу способах выживания говорится как о чем-то второстепенном. Впрочем, с загрязнением окружающей среды мы боремся, в основном — наложением штрафов, а как этот штраф восстановит вырубленный лес, его ведь еще надо вырастить. В результате земля на 60% эродирована, реки загрязняются, озера превращены в сточные каналы, воздух отравлен, а активисты green реасе неумело попрошайничают в крупных торговых центрах, вызывая у добропорядочных сограждан неприязнь не только к этому способу сбора денег,

но и заодно к невыдуманным проблемам, за которые они ратуют. Хотя сегодня мы действительно стоим перед необходимостью спасения человека и окружающего его мира, решить эти проблемы возможно, только взяв на себя ответственность за их судьбу, покинув пределы личных ориентаций. Перед нами также встает задача субъективации мира, если человечество не сумеет этого сделать, если не объединится в совместном усилии, опираясь на диалог, на синтез различных культур, мир может погибнуть.

Западные инициативы по сохранению человека и природы хорошо известны, а что может дать нам Восток? Обращаясь к нему, мы видим техники работы с сознанием и телом. Философские системы, говорящие нам о бхакти, радже, каме, агни, джняне, праджне. Впрочем, сегодня рейтинг всего этого принижен, потому что бедные восточные страны соблазнены западными ориентациями на достаток и комфорт, да и контакт с Западом сделал их полувосточными, что снизило их возможность к влиянию, тем более что предлагают индуисты европейцам, зачастую, такой примитив, на который вообще невозможно без стыда смотреть. А кто сегодня в обсуждении актуальных проблем современности вспоминает про синто? Но ведь это уникальный опыт, позволяющий перенаселенной стране держать реки и всю окружающую природу в чистоте и выстраивать ситуацию, когда все возможности человека благодарно изучаются, тогда как Запад предлагает нам преодолевать себя во всем. Ты прыгаешь на 3 метра, прыгай на 4, а то, что человек потом становится инвалидом, никого не касается. И буддизм для современного мира — это также серьезное дополнение, это выход из удовлетворенности чужим знанием, преодоление текстовой ограниченности, поскольку только лично пережитый опыт может быть признан достаточной основой для интерпретаций и понимания мира.

Современное обращение к богатствам буддийского Востока, рожденное из ощущения родства рода человеческого и наличия универсальных основ бытия, открывает альтернативные пути духовного подъема, обретения новых смыслов жизни, способов выживания и восстановления. В отличие от сконцентрированного на самости творчества, культивируемого современной западной культурой, здесь постигается единство всего сущего. Осуществляются подвижничество, аскеза, а святости достигают даже неграмотные, способные восхититься проклюнувшимся весной зеленым росточком, что не похоже на размышления, от какой болезни он может помочь, когда вырастет. При встрече с эзотерическим текстом у практикующего человека не возникает стремления поскорее придать его огласке и тем самым стать, обозна-

читься и, вероятно, обесценить то, что, возможно, так и останется непонятым и в принципе непереводаемо ни на язык научного дискурса, ни в представлении европейской религиозности.

Следует отметить, что становление духовности на Западе и Востоке шло разными путями, сходства этих путей обнаруживаются лишь на уровне формы, но не содержания. И пусть формально «грехи» и «препятствия на пути к пробуждению», при переводах текстов практически, совпадают, по сути это разные способы духовного подъема. В одном варианте речь идет о восхождении к Богу, о практике усмирения гордыни, преодоления пороков, обуздания плоти. Здесь чтятся Книги (иудеи, христиане и мусульмане). Благодаря посредникам или без оных, люди ведут диалог с Творцом, творят Бога. В другом варианте говорится о вторичности любых писаний, даже самых священных, о необходимости принять мир таким, как он есть, умении увидеть его совершенство, восхититься миром, открыть собственную неразделенность с мирозданием и пережить это единство как высшее блаженство. Эти разные пути духовного подъема открывают актуальную проблематику диалога между Востоком и Западом, который стал более или менее адекватным лишь в последнее столетие. Конечно, и раньше находились люди, способные преодолеть недоверие и центризм собственных культур. Однако в наши дни, в культуре постмодерна, западный человек, разуверившись во многих из исконных для своей культуры ориентиров, все чаще обращается к иному опыту, открывая для себя неизведанный источник новых смыслов и ценностей.

Сегодня, выходя за рамки того, что соразмерно культурно регламентированному человеческому усилию, постбиблейский мир усилиями одиночек знакомится с совершенно другими методами трансценденции, встречаясь с мировоззренческими несовпадениями, впервые пытаясь постичь иные способы освоения мира. В то время как большинство, по умолчанию соблюдая принятую некогда культурную конвенцию разделения между божьим и кесаревым, просвещенное и нерелигиозное, иссушивает себя прагматикой отношений, стремлением к власти, богатству, успеху, с неугасающим усердием продолжая обеспечивать свое интенсивное и экстенсивное развитие, обретая знания ради знаний и всякий раз обнаруживая крах созданной им некогда системы. В этой ситуации обращение западных людей к опыту буддийского Востока перестает быть чем-то исключительным, это даже статистически показательно. Встреча с передачей опыта психо-физического развития, с методами Ваджраяны и Дзен, знакомство с иным мистическим опытом, практиками созерцаний, осуществляемых на основе не открытой

наукой географии изначального осознания, все это создает основы для тесных связей культур Востока и Запада, которые в последнее время становятся все более востребованными. Это еще раз подтверждает, что взаимодействие культур сегодня — единственно возможное направление современного глобального развития, которое, во-первых, позволяет нам осознать себя в большом мире, а во-вторых — найти и сохранить все ценное в культурах уникальных. Использовать весь не случайно возникший опыт культур, который позволяет человеку выжить, восстановиться и обеспечить себе счастливую и осознанную жизнь, без нанесения вреда окружающему миру.

Анализ оснований взаимодействия культур, включающий в себя широкий спектр культурных изменений — от актов индивидуального сознания до взаимодействий глобального масштаба, — позволяет нам из всего многообразия контактов выделить ряд достаточно автономных пространств межкультурного диалога. Специфика этих пространств — в обладании на уровне первичного побуждения к взаимодействию абсолютно разными намерениями, мотивами, установками, потребностями, инстинктами, различным целеполаганием. Деловой интерес или духовный порыв, возможность психо-физического восстановления или самосохранение — все это побуждает человека к контакту с Другим, деятельности для Другого или против Другого. Сознательно или нет, эти побуждения движут людей к сочетанию и согласованию внутренних состояний, к оказанию воздействий и их восприятию. Как писал Г. Зиммель, из этих взаимных воздействий индивидов образуется социальное и культурное единство. «Все то, что наличествует в индивидах (непосредственных конкретных носителях исторической действительности) в виде влечений, интересов, идей, стремлений, психических состояний и движений, то, из чего формируется воздействие на других людей или что способствует восприятию этих действий», — есть содержание. — «Сама по себе эта материя, в которой исполняется жизнь, мотивация, движущая ее, в сущности, не социальна. Голод, любовь, труд, религиозность, техника, функции и результаты деятельности разума не есть непосредственное общественное существование индивидов в определенных формах совместного существования, подпадающих под общее понятие взаимодействия. Обобществление, следовательно, есть в бесчисленном количестве способов реализующаяся форма, в которой индивиды в основе разнообразных — чувственных и идеальных, мгновенно переходящих или длящихся, причинно обусловленных или телеологически определенных — мотивов, интересов создают особое единство, внутри которого эти мотивы и интересы находят свое воплощение» [Зиммель, 1996, 486–487].

Опираясь на высказанную Г. Зиммелем мысль, представляется целесообразным дифференцировать все многообразие межкультурных контактов по описанному критерию, выделив: 1) культурное пространство диалога, обусловленное прагматикой, — политическое, экономическое и социальное измерения взаимодействий; 2) рекреационное пространство — которое может рассматриваться как физическое, эмоциональное и интеллектуальное измерение, а также как пассивное и активное, общественное и индивидуальное; 3) пространство самоактуализации — научное, художественное и религиозное измерения межкультурных контактов. Рассмотрим предложенную дифференциацию подробней.

Итак, среди основных побуждений к взаимодействию с Другим нами был выделен прагматический интерес, который на уровне совместной человеческой деятельности создает поле политических и экономических отношений. Занимающиеся политикой элиты, осуществляя более или менее целенаправленную деятельность по формированию жизненно важных связей между субъектами межкультурного диалога, стремятся обеспечить протекание всех общественных и культурных процессов в наиболее эффективном режиме, исходя из соблюдения интересов определенных сообществ. Формулируя эти стремления в русле той или иной идеологии, они задают не явный, но всегда ощутимый прагматический тон всем межкультурным взаимодействиям. В этом поле диалога формируются национальные образы, выстраиваются стереотипы восприятия себя и других. Развертывается политическая игра, порождающая образы врага, которая обостряет у людей восприятие культурных несовпадений, как правило трактуемых негативно. Здесь создаются образы друзей, что позволяет людям вглядываться в других, рождая попытки подражать, заимствовать или хотя бы проявлять толерантность.

В прагматическом пространстве взаимодействий инструментами распространения собственной культуры с одинаковым успехом выступают и война, и мир. Однако вне зависимости от того, осуществляется ли политика посредством компромиссов или отчаянной борьбы интересов, является ли она консенсусной или конфронтационной, эффективной оказывается лишь та политика, которой удастся осуществить захват душевных сил человека, увлечь население, пусть даже во имя иллюзорной цели. В противном случае система контроля общества, морали, права, экономики оказывается нерезультативной и бесперспективной. Это уже не раз наблюдалось в истории межкультурных контактов, когда, например, небольшой народ Ирана, силой консолидации и внутреннего напряжения оказывался способен противостоять несоизмеримо большей системе в отстаивании своей независимости, или подобно

тибетцам, которые даже в изгнании сохраняют свою культурную идентичность и даже воздействуют на глобальные культурные парадигмы.

Прагматический подход к межкультурным взаимодействиям, наряду с политикой и правом, которые выступают необходимым регулятором общественных отношений, включает в себя и экономическое сотрудничество. В контексте диалога это понимается, прежде всего, как осуществление взаимовыгодного обмена, заимствование технологий, экономическое сотрудничество, расширение рынков, регулирование финансовых потоков и прочая полезная хозяйственная деятельность. Однако экономика — это не только производство жизненных благ, но и, как мы уже отмечали, исторически накопленный опыт выживания, умения приспосабливаться к условиям природной, социальной и культурной среды. Многие века, посредством караванных и морских путей, торговля между странами исправно служила не только взаимообогащению, но и взаимопроникновению, диффузии культур. В настоящее время эта область межкультурных контактов предстает наиболее унифицированной формой человеческих взаимоотношений. Однако, наряду с осуществляемой пользой, современная глобальная экономика становится для многих культур губительной. Выходя за рамки национальных государств, руководствуясь меркантильным интересом, экономические контакты не раз демонстрировали свою циничность, поскольку их главная цель — извлечение прибыли. Единственным пределом ее развития является наличие приемлемых условий, определяемых географией, климатом, юридическими конвенциями и политической волей, которая, надо отметить, также далеко не всегда бывает целесообразной. В качестве примера можно вспомнить неудачные попытки России XVIII века организовать производство шелка или опыт Китая, пытавшегося в середине века XX наладить металлургическое производство.³ Эти эксперименты, потребовавшие от государств огромных ресурсов, не привели к желаемому результату. И все же экономика пока немного может без политики. Она, как и прежде, нуждается в защите. Ради гарантий собственного развития она готова мириться с контролем границ и регулированием собственной деятельности и даже готова быть социально ответственной и оплачивать государственные и общественные интересы. В XXI веке прагматический интерес межкультурных взаимодействий

³ Кампания по организации повсеместного производства стали с целью быстрой индустриализации страны, проходившая в рамках пятилетки «Большого скачка» 1958–1963 годов, привела к обратному результату — разрушению индустриальной базы Китая.

вышел на глобальные рубежи, что приводит к симбиозу обозначенных направлений культурного диалога. Этот интерес стимулирован желанием расширения зон влияния и связан с развертыванием планетарного охвата информационных сетей и инфраструктур, установлением новых идеологических, юридических, военных и экономических союзов.

Возрастающее число внешних и внутренних миграций, постоянных, сезонных, временных, представляет еще одну, достаточно автономную сферу культурных взаимодействий. Речь идет о социальном измерении межкультурных контактов, определяемом специфическим спектром мотивов взаимодействия от необходимости физического выживания и самосохранения до потребностей самоутверждения и признания. Здесь осуществляется диалог между мигрантами и автохтонами, между религиозными, национальными, этнокультурными сообществами и властью. Следует отметить, что из всех сфер культурных контактов социальные воспринимаются как наиболее проблематичные. Мы регулярно получаем информацию или становимся свидетелями конфликтов на национальной почве, в которых люди не просто дискриминируются, но даже погибают. В связи с этим внимание к ним со стороны политиков, СМИ и гражданского общества достаточно высоко. Иногда создается впечатление, что социальная проблематика готова подменить все разнообразие взаимодействий между культурами. В то же время очевидно, что проблемы толерантности невозможно решить исключительно юридическим или политическим путем, хотя других действий общество, практически, не осуществляет. Обделен вниманием и тот факт, что конфликты возникают не со всеми народами и близость или удаленность мировоззрений и религиозных традиций никак на это не влияют. Например, о прецедентах конфликтов русских с бурятами и калмыками ничего не известно, хотя, казалось бы, эти народы разделены не только религиозными, мировоззренческими традициями, но и внешним обликом, зато о разрушении синагог, еврейских кладбищ, избиении и убийстве взрослых и даже детей других братских народов мы слышим достаточно регулярно. Многие конфликты порождаются социальным и культурным неравенством, из ощущения себя обделенным или, наоборот, угнетающим. Даже вступая в контакт с гасторбайтерами, исторически толерантные русские предпочитают сохранять с ними дистанцию в общении, причем возникающие из этого отношения конфликты, хоть и интерпретируются как национальные, имеют место и по отношению к соплеменникам. Вызывает интерес и тот факт, что в России ослаблена историческая память. Если греки столетия не могут простить туркам военного вторжения и до сих пор это заметно даже на бытовом уровне, то в России, например, к немцам отношение более

чем комплиментарное. По-видимому, многие социальные конфликты кроются в совпадении или несовпадении культурных кодов взаимодействующих народов, причем проявления несовпадений интерпретируются в ряду негативных проявлений собственной культуры. С интересом относясь к Востоку, любя экзотику, сограждане оказываются нетерпимыми к появлению инокультурных граждан. Встречи с другим стилем жизни, отличиями норм, манеры поведения, всего комплекса повседневной культуры, проявленной вербально, визуально, ольфакторно, вызывают у людей непонимание, протест и даже страх.

Социальное измерение культурных взаимодействий представлено также жизнью диаспор, их профессиональной специализацией, религиозной общностью и другими формами консолидации и поддержания культурной идентичности, актуальными для людей, живущих вдали от родины. Кроме того, появление аллохтонных социальных структур порождает конкуренцию, что также вызывает протесты автохтонного населения, которое, подкрепляя свое недовольство негативной интерпретацией чужого, проявляет бытовую шовинизм и даже организованный национализм. Акции скинхедов и другие социальные реакции, активно обсуждаемые СМИ, для представителей национальных меньшинств и их защитников становятся вопросом выживания в инокультурной среде. Рассматривая социальное измерение культурных взаимодействий, мы видим трудности адаптивности представителей некоторых восточных культур, маргинализацию, что, без сомнений, благотворному взаимодействию культур не способствует. Всеобщую тревогу вызывают и столкновения этноцентричных групп, разоблачающие и обличающие речи религиозных деятелей, которые в каждом из участников и у наблюдателей обостряют чувство культурной обособленности, порождают стереотипы, формируют образы врага, воплощаясь в соответствующее социальное поведение. Как ни странно, социальные контакты не имеют прямым следствием сближение народов и культур, исключением может служить лишь ассимиляция, которую трудно отнести к позитивному культурному взаимодействию, поскольку одна из сторон сближения полностью утрачивает свою самобытность. Впрочем, не все народы готовы ассимилироваться, об этом говорит не только российский, но и мировой опыт. В отличие от прагматической заинтересованности, удовольствия от встречи с экзотикой, установления духовных связей и творческого поиска, социальные контакты во многом носят принудительный характер. Мы сталкиваемся с ними как с данностью. Однако количество этих контактов, стимулируемых другими мотивами взаимодействий, растет. Здесь институализируются нетрадиционные религиозные конфессии, образуются этнокультурные и общественные

организации, союзы, товарищества, клубы, центры. Все они разрабатывают свои стратегии и тактики, мотивированные обеспечением физической безопасности и культурным самосохранением, потребностью в признании и любви.

Наряду с обозначенным пространством контактов, мотивированных прагматикой, обращает на себя внимание рекреационное пространство культурных взаимодействий. Оно основано на вызывающих всеобщий интерес культурных различиях, особенностях коллективной творческой деятельности, отражающей жизнь, воззрения, идеалы тех или иных народов. Касается ли это экзотических предметов, обычаев, музыки, танцев, национальной кухни, традиционной одежды или архитектуры, — это интересно многим. Контакты в данном пространстве культурных взаимодействий подвижны человеческим любопытством, необходимостью в обновлении культурных форм, и соответственно интерес к другой культуре здесь во многом ограничивается мотивом психо-физического восстановления, желанием развлечься, испытать удовольствие от культурных несовпадений. Это дает повод для бесед, позволяет пополнить копилку впечатлений и позволяет развиваться многообразным проявлениям культурного утилитаризма и гедонизма. Проведение досуга в созерцании беллиданса, еда палочками или курение кальяна, как и посещение экзотической страны во время отпуска, — этот культурный диалог служит расширению зоны своего, но обращен лишь к внешним проявлениям иной культуры и никак не связан с попытками ее постижения. Такое отношение к другим культурам не ново, например, в Петербурге мода на Восток в XVIII веке, проявлялась и как приобщение к чаю, и как увлеченное собирание экзотики, и в воспроизводстве предметов обихода, копирующих восточные редкости, но все это сути внутреннего мира людей не затрагивало, им достаточно было романтического и престижно-статусного флера. Следует отметить, что со временем область потребления этнических элементов культуры охватила, практически, весь спектр экзотически проявленного.

Природное человеческое любопытство, активно эксплуатируемое бизнесом, породило множество поверхностных форм культурных взаимодействий. Сегодня — это соотношение григорианского нового года с символикой восточного календаря и вообще увлечение восточной символикой, практика фэн-шуй, регулярное посещение жителями европейских городов китайских или японских ресторанов, распространенное отношение к индийской йоге как гимнастике для похудения и восприятие Тантры и Камасутры как эротических комиксов. В массовом поле культурных взаимодействий распространяются имитации, подделки (на Востоке — под Запад, а на Западе — под Восток). Здесь

сочиняются и распространяются мифы о ниндзя и филиппинской хирургии, о волшебных свойствах амулетов, купленных через Интернет, и ожидается обретение счастья посредством встречи года красного быка в красной одежде. Развлекая, внося в жизнь приятное разнообразие и отдохновение, при этом не требуя от человека никаких внутренних усилий, сфера рекреационных контактов сегодня стремится объять весь спектр этноэлементов. Негативная сторона этих контактов, среди прочего, заключается в том, что повышенный спрос на экзотику всеядной западной культуры заставляет многие народы адаптировать свои традиции для Запада по принципу «black music for white people» или специализироваться на востребованных областях, что, конечно, не может не деформировать организационно-функциональное строение этих культур. Тем не менее, в этом поле культурных взаимодействий количество контактов год от года только возрастает, и сегодня они пронизывают, практически, всю культуру быта и развлечений, от быденных, неорганизованных форм рекреации, включая потребление экзотических алкогольных напитков и наркотиков, до организованных форм досуга, активно развиваемых туристической и медиа индустрией.

Потребность в самоактуализации создает еще одно особое — творческое пространство культурных взаимодействий, которое порождает нечто качественно новое, отличающееся неповторимостью, оригинальностью, общественно-исторической уникальностью и культурной значимостью. К контактам, происходящим в этой области, можно отнести любую деятельность, направленную на раскрытие потенциала личности. Обращение к другой культуре здесь выступает ценным дополнением, возможностью восполнить культурные дефициты. Принимая вид паломничества за вдохновением или оригинальностью, свежими темами и новыми культурными формами, этот путь ведет к обновлению, открытиям, взаимообогащающему диалогу, развитию культурного многообразия. Не случайно это пространство культурных контактов всегда было востребовано мыслителями, поэтами, художниками — теми людьми, которые осуществляют творческий поиск.

Попытка реализовать посредством обращения к Другому свой потенциал, как правило, требует от человека усилий и душевных затрат. Какой бы области его поиск ни касался, этот тип контактов нуждается в погружении в другую культуру. Это может быть связано с изучением другого языка или философской системы, что неминуемо втягивает исследователя в освоение культурных кодов и понятий, не находящих аналогов в родном языке и культуре. Это может быть связано с совершенствованием своих психо-физических возможностей, например йогическую практику. С освоением новых подходов к решению

проблем здоровья и улучшения качества жизни, например изучением европейским врачом тибетской медицины, аюрведы, акупунктуры, рейки или шиатсу. Поле контактов, мотивированное саморазвитием, включает в себя не только активных деятелей культуры, но и ценителей, знатоков — всех тех, кто осуществляет тонкую интеллектуальную рефлексию культурных процессов. Паломничая в страны Востока, и те и другие не только развиваются на личном уровне, но и способствуют развитию собственных культур. Они основывают новые жанры, утверждают новые стили в искусстве, обнаруживают неизведанный потенциал собственных культур, причем зачастую это происходит в тех областях, о существовании которых они до знакомства с другой культурой даже не подозревали.

К творческому пространству взаимодействий можно отнести и научные исследования. Причем речь идет не только о науках, предметно обращенных к изучению тех или иных аспектов культур Востока, но и о творческом переложении открывающихся знаний в различные научные сферы — гуманитарные и естественные, прикладные и теоретические. Не раз представители естественных наук с благодарностью высказывались по отношению к восточной философии, позволившей объяснить открытия, не укладывающиеся в европейские мировоззренческие модели. Понятна и обращенность гуманитариев к учениям Дзен, Дзогчен, Махамудры — учениям, обращающим нас к необычному опыту, к тому, что способно встряхнуть нашу культуру, существующую как нечто ставшее, функционирующую как общепринятое, закономерное, заштампованное, сковывающее возможность для развития. Очевидно, что с этой проблемой на определенном этапе сталкивается каждая культура. И что в этом плане может дать нам Восток, о котором только ленивый не говорит, что он традиционен, пассивен и устремлен разве что к умиротворению, к Нирване? А он может устами пробужденного наставника Линь-ци назвать Нирвану «дырой в отхожем месте» и пояснить: «Не ищите ничего вне себя! Если вы, не доверяя себе, будете искать что-то вне себя, опираясь на внешние обстоятельства, то никогда не сможете освободиться от страстей и зависимости от объективных условий, никогда не сумеете распознать истинное и ложное». [Записи бесед..., 1989, 235]

Диапазон творческого пространства межкультурного диалога широк. Его эвристический потенциал позволяет творчески настроенным людям развить способности, достичь мастерства, состояться в профессии, обрести знания и новые ориентиры, обратиться к созерцательным практикам, обнаружить восполняющие духовные дефициты способы духовного подъема. В этом пространстве культурных контактов осу-

ществляется тот значимый творческий обмен, который способен на новых для всех участников диалога основаниях решить целый ряд жизненно важных проблем в сфере искусства, науки, образования, всеохватной модернизации, ведя не к гомогенизации, но к единству и культурному многообразию.

Итак, мы сформулировали два культурологических исследовательских подхода. Согласно первому: самобытность культуры обеспечивается: накопленными формами выживания (защиты жизни), способами психофизического восстановления и выработанными механизмами самоактуализации человека. Согласно второму у нас есть возможность фиксировать несколько пространств межкультурных взаимодействий, каждое из которых определено доменом актуальных потребностей человека, его мотивов и целепологаний. Третья аналитическая система координат исследования межкультурных контактов предполагает выделение трех уровней культурной реальности: предметно-вещного, символического и трансперсонального (духовного). То есть, культура может рассматриваться в нескольких ипостасях: как культурная продукция, как инобытие человека в символах и символических проявлениях и как жизнь сознания. На первом уровне мы видим операции с предметным миром, по большей части безличные или обезличенные процессы, например в анализе глобального рынка, где человек — объект среди объектов (Г. Маркузе). Со вторым уровнем соотносятся символические культурные формы, где человек — это субъект в мире объектов. На третьем уровне человек предстает чистым субъектом, открытым для трансцендентного знания и трансперсонального опыта. Процессы в описанной структуре происходят как по горизонтали, так и по вертикали. Когда в нисходящем движении творческий процесс «конденсируется», превращаясь, например, в картину, а картина — в товар. Или в восходящем движении — когда мы «развоплощаем» некий объект, рассматривая его как символ, идею, а затем — как проявление трансперсональной жизни.

Пересечение названных ракурсов анализа выявляет морфологическую структуру межкультурных взаимодействий, позволяет исследовать как отдельные культурные формы, так и их конфигурации в синхронном и диахронном планах их существования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Белик А. А.* Культура и личность. М., 2001.
2. Записи бесед чаньского наставника Линьцзи Хуэйчжао из Чженьчжоу // *Абаев Н. В.* Чань буддизм. Приложение II. Новосибирск: Наука, 1989.

3. *Зиммель Г.* Избранное. Том 2. Созерцание жизни / Общение. М.: Юрист, 1996.
4. *Клейн Л. С.* Персонализм: культура и личность // Развитие личности. № 3. 2005.
5. *Acculturation: An Exploratory Formulation* // *American Anthropologist*. 1954. #56.
6. *Husserl E.* *Husserliana (Gesammelte Werke): Auf Grund des Nachlasses veröffentlicht vom Husserl-Archiv (Louvain) unter Leitung von H. L. van Breda.* Den Haag: Nijhoff, 1950–1975. Т. 2.

М. Ф. Альбедиль (Санкт-Петербург)

О МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОКАХ ВАДЖРАЯНЫ

В докладе предпринимается попытка показать, что Ваджраяна, выросшая из индийского буддизма, или, точнее, его северной ветви, Махаяны, сохранила и развила некоторые глубинные мифологические интуиции, обеспечившие ей исключительное положение среди других направлений буддизма и представляющие немалый интерес для современного человека. Эта тема, с одной стороны, может пролить дополнительный свет на парадигматические основы учения, а с другой — обогатить наши представления о закономерностях исторической трансляции мифологических структур.

Но прежде необходимо сделать терминологическое уточнение: под мифом понимается не словесный текст, а особый способ мировосприятия, во многом противоположный историческому, более привычному для нас. Именно мифы, по словам М. Элиаде, знакомили «с первоначальными, основополагающими "сказаниями", утверждающими человека экзистенциально, а все, что имеет отношение к его существованию и способу пребывания в этом мире, касается его самым непосредственным образом» [Элиаде, 1995, 22]. В мифах запечатлены и символические формы выражения двух событий, чрезвычайно важных для коллективной и индивидуальной человеческой истории. Таковыми являются сотворение мира и сотворение личности, наиболее выразительно отразившиеся в космогонических мифах и ритуалах инициации. Их структуры, образы и идеи, изменчивые по форме, но удивительные в своем постоянстве, использовали и теоретики Ваджраяны. О них главным образом и пойдет речь.

Как известно, накануне появления буддизма Индия переживала острое время (в терминологии К. Ясперса), являясь одним из очагов так

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Благодарности</i>	7
<i>Предисловие</i> Койбагаров А. Ш., Алексеев-Апраксин А. М.	11
<i>Приветствия</i>	14
Диалог мировоззрений и глобальные культурные процессы	
<i>Алексеев-Апраксин А. М. Межкультурные контакты:</i>	
<i>Культурологические подходы к изучению</i>	27
<i>Альбедиль М. Ф. О мифологических источниках Ваджраяны</i>	44
<i>Бадмаев В. Н. Религиозно-культурная идентичность в глобализирующемся мире</i>	51
<i>Бурлуцкий А. Н. Дуализм и его преодоление в философских концепциях Ваджраяны</i>	57
<i>Ковалёв С. Г., Филатова Е. Г. Буддийская глобальная достоверность и её восприятие в западной философии</i>	61
<i>Колесников А. С. Философия межкультурного взаимодействия в условиях глобализации</i>	71
<i>Лепехов С. Ю. Возможности межконфессионального диалога в современном мире</i>	81
<i>Лысенко В. Г. Восприятие и телесность в буддизме и в современных когнитивных теориях «отелеснённого ума» (embodied mind)</i>	86
<i>Монтлевич В. М. Ранний период развития тантры Ваджрасаттвы в Тибете и России (ответы на семь позиций письма В. Д. Ковалёва)</i>	94
<i>Наднеева К. А. О нравственных основах буддийской категории карма в условиях седьмого технологического (социогуманитарного) уклада</i>	101
<i>Омельчук Р. К. Вера как фактор межкультурного взаимодействия</i>	102
<i>Пшибыславский А. Несколько замечаний о взгляде шентонг в тибетской философии</i>	110
<i>Рымарь А. Н. Буддийское учение и универсальный язык культуры</i> ..	127
<i>Сараева С. К. Концепт «Евразийство» в буддизме</i>	134

Ваджраяна в развитии способностей человека

Войцеховский А. <i>Стресс, способы психологической адаптации (копинга) и субъективное счастье среди буддистов-мирян Карма Кагью</i>	139
Захарова Е. В. <i>Психический детерминизм и буддийская практика</i>	158
Иовлева Н. Н. <i>Нейрофизиологические исследования активности головного мозга во время медитации — проблемы и перспективы</i>	164
Минвалеев Р. С., Иванов А. И. <i>Тибетская йога туммо: Сравнение управляемого и неуправляемого снижения общего кортизола у здоровых людей</i>	172
Нидал О. <i>Аспекты медитации Алмазного Пути</i>	178
Рыбаков Д. А. <i>Привязанность как источник энергии на пути к просветлению</i>	189
Рыджевская М. <i>Наслаждайся здесь и сейчас: Временные установки, практика медитации и субъективное счастье</i>	194
Соном А. М. <i>Этические принципы самодисциплины: пересмотр потребностей, трансформация сознания в условиях жестокого рационализма</i>	230
Шайхиева Т. Н. <i>Буддизм с позиции психологической теории деятельности: Педагогический аспект</i>	236

Компаративистика

Бурлуцкая Е. В. <i>Проблема идентификации восточных практик в западных ветвях духовных традиций</i>	240
Васильченко В. А. <i>Евангельские притчи и коаны дзэн: Нарративный аспект</i>	245
Дружинина И. А., Остененко В. А. <i>Счастье в философии буддизма Ваджраяны и в российской философской мысли</i>	251
Дубич В. В., Марусик Е. С., Жуйков Д. А. <i>Сравнительный анализ использования метода наблюдения в науке и буддизме</i>	255
Каштанова Т. В. <i>Активностная парадигма в области естественнонаучного знания о человеке: Аналогии с буддизмом</i>	268
Кузнецова А. И. <i>Сравнение типов мировоззрения, рекомендуемого поведения и методов самосовершенствования в Ваджраяне и восточном христианстве</i>	277

Ламажапов Х. Д. <i>Сознание и пространство</i>	289
Леснов А. В. <i>Эвристический потенциал философии буддизма и современная эпистемология</i>	292
Чайя Г. <i>Есть ли на небе луна, когда никто не смотрит?</i> <i>Квантовая физика и реальность</i>	299
Локальная специфика и исторические реалии	
Горячева В. Д. <i>Особенности буддийского наследия в Кыргызстане</i>	321
Дымбрылов Б. Х. <i>Дацаны бурятии: Истоки и особенности формирования</i>	329
Ерофеева И. В. <i>Религиозно-культурные центры тибетского буддизма на территории восточного Казахстана в XVII – середине XVIII веков</i>	335
Жуковская Н. Л. <i>Буддизм в Бурятии глазами антрополога (сегодняшний день и возможные перспективы на завтра)</i>	346
Зудина В. Н., Перла Н. Ю. <i>Следы тибето-монгольской ветви буддизма Махаяны и Ваджраяны в Самарском крае в XVII-XIX веках</i>	353
Иванова В. А. <i>Концепция «скрытых земель» в тибетском буддизме</i>	370
Китинов Б. У. <i>Буддийская цивилизация: Методологические подходы (на примере Каспийского региона)</i>	377
Коротецкая Л. М. <i>Особенности распространения буддизма в России и Европе в XX веке</i>	390
Курапов А. А. <i>Буддизм в Астраханском крае: Основные вехи истории</i>	399
Кушнерик Р. А. <i>Религиозное самоопределение алтайского народа: Проблема выбора веры</i>	406
Михайлова В. Т. <i>Этика сосуществования буддизма и христианства в Бурятии (II пол. XIX – нач. XX века)</i>	414
Очирова Б. В. <i>Буддизм Калмыкии в конце XIX – начале XX века</i>	421
Пшиемска М. М. <i>Риме — возрождение медитационных линий в Восточном Тибете XIX века</i>	429
Ряжев А. С. <i>Документы собрания ламы Г. Гомбоева — источники по истории вероисповедной политики «просвещённого абсолютизма» (по материалам описания Г. Н. Румянцева)</i>	464
Усманова Э. Р. <i>Ламаистский монастырь Кызылкент</i>	470

Фридман Т. А. <i>Школа Карма Кагью в Украине</i>	478
Хафизова К. Ш. <i>Исторический фон буддизма в Казахстане XVII-XVIII веках</i>	482
Цыбенков Б. Д. <i>О земледелии и других видах деятельности бурятских дацанов в XIX веке</i>	488
Чечушков И. В. <i>Буддизм Великой Степи: Гипотезы и факты археологии (на примере памятников Южного Урала)</i>	495

Текст-Дискурс-Перевод

Андросов В. П. « <i>Хеваджра-тантра</i> », I, 2 глава « <i>Мантры</i> » (введение, перевод тантры и комментариев, пояснения)	502
Батырева Э. П. <i>Из опыта перевода намтара «Жизнеописание Цзонхавы»</i>	523
Дугаров Б. С. <i>Миларайба в трудах российских учёных</i>	528
Загумённых Б. И. <i>Сознание или ум? (о переводе буддийских терминов читта, манас и виджняна)</i>	542
Леонтьева Е. В. <i>Собрание сочинений Марпы-переводчика: Общие сведения</i>	549
Назарова О. Ю. <i>Роль сангхи в буддизме Ваджраяны</i>	554
Орлова К. В. « <i>Улигер-ун ном</i> » в собрании Национальной библиотеки Монголии	560
Сыртыпова С. Д. <i>Буддийское письменное наследие кочевников Трансбайкалья</i>	564
Урбанаева И. С. <i>Философия и медитация в тибетском буддизме (в традиции Чже Цонкапы)</i>	568

Буддийское искусство и искусствоведение

Альфонсо Н. Г. <i>Восемь счастливых символов</i>	590
Артемьева Н. Г. <i>Изображения Гуань-Инь в Средние века (по материалам раскопок Журчжэньских памятников Приморья)</i>	597
Батырева С. Г. <i>О фольклоризации иконографии буддизма: К проблеме локальной специфики</i>	603
Беляков А. О. <i>Колокол с буддийской кумирни 1901 года из фондов музея им. Г. С. Новикова-Даурского</i>	610
Винокуров С. Е. <i>Сосуществование буддийской и индуистской художественных традиций на примере анализа металлической скульптуры бодхисаттвы Майтрейи и Индры</i>	613

Елихина Ю. И. <i>Образы Миларепы из коллекции Государственного Эрмитажа</i>	617
Зегерс (Прешерн) Е. <i>Визуальное выражение буддизма в современном обществе: Тибетские ступы, построенные в Европе организациями Карма Кагью</i>	630
Иванов Д. В. <i>Европейская гравюра XVIII века в монгольской коллекции МАЭ</i>	660
Огнева Е. Д. <i>Сакральное изобразительное искусство в тибетской традиции: История собраний в музеях Одессы</i>	665
Паршикова И. В., Дензонг Н. <i>История возникновения буддийских статуй, их традиционная роспись и роль в Ваджраяне</i>	679
Романова С. В. <i>Коллекция А. В. Адрианова как свидетельство синкретизма буддизма и добуддийских верований у тувинцев</i>	686
Соколов А. Б. <i>Буддийская ступа — история и назначение</i>	689
Трофимова Е. А. <i>Архитектурные особенности и эстетическое своеобразие Санкт-Петербургского дацана Гунзэчойнэй</i>	697
Фёдорова М. В. <i>Коллекция монгольских деревянных скульптур персонажей мистерии Цам в собрании Российского Этнографического Музея</i>	703
Хадерер Э. <i>Изображение ламы Шамарпы, принадлежащего к линии передачи Карма Кагью, в ступе, в г. Элиста (Калмыкия, Россия)</i>	705
Буддизм: Рецепция и современные социокультурные практики	
Ахмедьянова А. Х. <i>Буддизм Ваджраяны в ракурсе философии айкидо</i>	723
Банаева М. Г. <i>Влияние религии на обряды жизненного цикла в современном мегаполисе (на примере бурят)</i>	728
Бернюкевич Т. В. <i>О рецепции буддийских идей в литературе и философии России конца XIX начала XX века</i>	736
Голиков Ф. Н. <i>Концепции и методы Ваджраяны в подготовке современного менеджера проектов в России: Подходы и практический опыт</i>	744
Ерохин Б. Р. <i>Паломничество как буддийская практика: Тантрический аспект</i>	753
Забяко А. П. <i>Есть ли у буддизма иммунитет против насилия? Дискуссионные проблемы теории и практики</i>	767

Коломыйц Д. М. <i>Мировоззрение и возможности развития человеческого сознания</i>	773
Куус Я. В. <i>Представление о счастье в мультикультурном пространстве</i>	778
Нагорная Н. А. <i>Ваджраяна и дзен в романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота»</i>	785
Раева Т. В., Сосновских Е. Г. <i>Представления о буддизме и буддистах у студентов вуза</i>	792

Буддийское образование в России

Батырева С. Г. <i>Основы буддизма и изобразительное искусство. (Из опыта преподавания в образовательной системе Калмыкии)</i> ..	798
Ветлужская Л. Л. <i>Буддизм и современная система образования (на примере буддистского университета «Даши Чойнхорлин»)</i>	804
Ермолин В. Ю. <i>Систематическое буддийское образование в традиции Карма Кагью в России и за рубежом</i>	810
Кузьмина Л. С. <i>Преподавание буддизма в школе: Опыт Германии</i>	816
Куус Я. В. <i>О некоторых этнопсихологических аспектах преподавания основ религиозных культур в школе</i>	820
Кушнерик Р. А. <i>Изучение и преподавание буддизма в системе высшего профессионального образования (на примере вузов Алтайского края)</i>	823
Марзаева М. Б. <i>О преподавании курса основ буддизма в школах Калмыкии</i>	827
Раева Т. В., Сосновских Е. Г. <i>Опыт преподавания религиозоведческих дисциплин в высшей школе (на примере Южно-Уральского государственного университета)</i>	833
Салдусова А. Г. <i>Наука о человеке и для человека (в контексте учения Будды)</i>	839
Урбанаева И. С. <i>Традиционное буддийское образование и его современная ситуация</i>	842
Койбагаров А. Ш. <i>О буддийском образовании в школах России (резюме)</i>	850
<i>Сведения об авторах</i>	851

CONTENTS

<i>Commendation</i>	7
<i>Foreword</i> Koibagarov A. Sh., Alekseev-Apraksin A. M.	11
<i>Greetings</i>	14
Dialogue of World Views and Global Cultural Processes	
Alekseyev-Apraksin A. M. <i>Cross-Cultural Contacts: Culturological Approaches to their Study</i>	27
Albedil M. F. <i>Mythological Sources of Vajrayana</i>	44
Badmayev V. N. <i>Religious and Cultural Identity in the Globalizing World</i>	51
Burlutskiy A. N. <i>Dualism and its Overcoming in Vajrayana Philosophic Concepts</i>	57
Kovalev S. G., Filatova E. G. <i>Buddhist Global Authenticity and its Perception in Western Philosophy</i>	61
Kolesnikov A. S. <i>Philosophy of Cross-Cultural Interaction in the Setting of Globalization</i>	71
Lepekhov S. Yu. <i>Potential for Interfaith Dialogue in Contemporary World</i>	81
Lysenko V. G. <i>Perception and Physicality in Buddhism and Contemporary Cognitive Theories of Embodied Mind</i>	86
Montlevich V. M. <i>The Early Stages of Vajrasattwa Tantra Development in Tibet and Russia (answers to seven points in the letter of V. D. Kovalov)</i>	94
Nadneyeva K. A. <i>On Moral Foundations of the Buddhist Category of Karma under Conditions of the Seventh Technological (Socio-humanitarian) Pattern</i>	101
Omelchuk R. K. <i>Faith as a Factor in Cross-Cultural Dialogue</i>	102
Przhybyslavsky A. <i>Some Observations on gzhan stong View in Tibetan Philosophy (Kilka Uwag o Poglądzie gzhan stong w Filozofii Tybetańskiej)</i>	110
Rymar A. N. <i>Buddhist Teaching and Universal Language of Culture</i>	127
Sarayeva S. K. <i>Concept of «Eurasianism» in Buddhism</i>	134

Vajrayana in Developing Human Abilities

Woiciechowski A. <i>Anxiety, Styles of Coping and Subjective Happiness Among Lay Karma Kagyu Buddhists</i>	139
Zakharova E. V. <i>Psychic Determinism and Buddhist Practice</i>	158
Iovleva N. N. <i>Neurophysiological Examination of Brain Activity in Meditation: Problems and Prospects</i>	164
Minvaleev R. S., Ivanov A. I. <i>The Tibetan Yoga of Tummo: Comparison of Controlled and Uncontrolled Decrease of General Cortisol Level with Healthy Persons</i>	172
Nydahl O. <i>Aspects of the Diamond Way Meditation</i>	178
Rybakov D. A. <i>Attachment as a Source of Energy on the Way to Enlightenment</i>	189
Rydzewska M. <i>Enjoying the Present Moment. Temporal Orientation, Meditation Practice and Subjective Happiness</i>	194
Sonam A. M. <i>The Ethical Principles of Self-discipline: Reviewing Needs and Transforming Consciousness under Conditions of Strict Rationalism</i>	230
Shaykhieva T. N. <i>Buddhism as Viewed through the Psychological Theory of Activity: the Pedagogical Aspect</i>	236

Comparative Studies

Burlutskaya E. V. <i>Problem of Identification of Eastern Practices in Western Branches of Spiritual Traditions</i>	240
Vasilchenko V. A. <i>Evangelical Parables and Zen Koans: the Narrative Aspect</i>	245
Druzhinina I. A., Ostenenko V. L. <i>Happiness in Vajrayana Buddhism Philosophy and Russian Philosophical Thought</i>	251
Dubich V. V., Marusik E. S., Zhuikov D. A. <i>Comparative Analysis of Using Observation Method in Science and Buddhism</i>	255
Kashtanova T. V. <i>Activity Paradigm in Scientific Knowledge about Human Beings: Analogies with Buddhism</i>	268
Kuznetsova A. I. <i>Similarities and Differences of View, Behavior and Practice in Hesychasm and Vajrayana Buddhism</i>	277
Lamazhapov H. D. <i>Consciousness and Space</i>	289
Lesnov A. V. <i>Heuristic Potential of Buddhist Philosophy and Contemporary Epistemology</i>	292
Czeija G. <i>Is the Moon There When Nobody is Looks? Quantum Physics and Reality</i>	299

Local Peculiarity and Historical Realia

Goryacheva V.D. <i>Specifics of Buddhist Heritage in Kyrgyzstan</i>	321
Dymbrylov B. H. <i>The Datsans of Buryatia: Origins and Specifics of Formation</i>	329
Erofeeva I. V. <i>Religious and Cultic Centers of Tibetan Buddhism in the Territory of Eastern Kazakhstan in XVII- middle XVIII Centuries</i>	335
Zhukovskaya N. L. <i>Buddhism in Buryatiya as Viewed by an Anthropologist (Current State and Possibilities for Tomorrow)</i>	346
Zudina V. N., Perla N. Y. <i>Traces of the Tibeto-Mongolian Branch of Mahayana and Vajrayana Buddhism in Samara Territory, XVII-XIX Centuries</i>	353
Ivanova V. A. <i>The Concept of «Hidden Lands» in Tibetan Buddhism</i>	370
Kitinov B. U. <i>The Buddhist Civilization: Methodological Approaches (on the Example of Caspian Region)</i>	377
Korotetskaya L. M. <i>Specifics of Spreading Buddhism in Russia and Europe in XX Century</i>	390
Kurapov A. A. <i>Buddhism in Astrakhan Territory: Principal Historical Milestones</i>	399
Kushnerik R. A. <i>Religious Self-determination of the Altai People: Choice of Denomination</i>	406
Mikhaylova V. T. <i>The Ethics of Coexistence of Buddhism and Christianity in Buryatia (2nd half of the XIX – early XX century)</i> ...	414
Ochirova B. V. <i>Buddhism in Kalmykia in late XIX – early XX Centuries</i>	421
Przyjemska M. M. <i>Rimey — Revival of Meditation Lineages in Eastern Tibet in XIX Century</i>	429
Ryazhev A. S. <i>Documents from Lama G. Gomboev's Collection — Sources on History of Confessional Policy of «Enlightened Absolutism» (based on materials of G. N. Rummyantsev's description)</i>	464
Usmanova E. R. <i>The Lamaist Monastery of Kyzylkent</i>	470
Fridman T. A. <i>The Karma Kagyu School in Ukraine</i>	478
Khafizova K. Sh. <i>The Historical Background of Buddhism in Kazakhstan, XVII-XVIII Centuries</i>	482
Tsybenov B. D. <i>On Farming and Other Types of Activity Conducted by Buryat Datsans in XIX Century</i>	488

Chechushkov I. V. <i>Buddhism of the Great Steppe: Archeological Theories and Facts (on the example of Southern Ural monuments)</i>	495
---	-----

Text-Discourse-Translation

Androsov V. P. «Hevajra Tantra». I, 2 – chapter «Mantras»	502
Batyreva E. P. <i>Sharing experience of translating the namtar called «Life story of Tsonkhapa»</i>	523
Dugarov B. S. <i>Milaraiba in the Works of Russian Scientists</i>	528
Zagumyonnov B. I. <i>Consciousness or Mind? (on translating buddhist terms «citta», «manas» and «vijñana»)</i>	542
Leontieva E. V. <i>Marpa Kabum (rje mar pa bka' 'bum): General Description</i>	549
Nazarova O. Yu. <i>The Role of Sangha in Vajrayana Buddhism</i>	554
Orlova K. V. «Uliger-un Nom» in the Collection of the National Mongolian Library	560
Syrtypova S. D. <i>Buddhist Written Heritage of Baikal Region Nomads</i> ..	564
Urbanaeva I. S. <i>Philosophy and Meditation in Tibetan Buddhism (Je Tsonkhapa Tradition)</i>	568

Buddhist Art and Art Studies

Alfonso N. G. <i>Eight Auspicious Symbols</i>	590
Artemyeva N. G. <i>Images of Guanyin in the Middle Ages</i>	597
Batyreva S. G. <i>On Folklorization of Buddhist Iconography: Local Specifics</i>	603
Belyakov A. O. <i>Bell from a Buddhist Joss-house, year 1901, G. S. Novikov-Daursky Museum Collection</i>	610
Vinokurov S. E. <i>Coexistence of Buddhist and Hinduist Art Traditions on the Example of Analysing the Metal Sculptures of Bodhisattva Maitreya and Indra</i>	613
Elikhina Yu. I. <i>Images of Milarepa from the Collection of the State Hermitage</i>	617
Seegers (Preshern) E. <i>Visual Expressions of Buddhism in Contemporary Society: Tibetan Stūpas Built by Karma bka' brgyud Organisations in Europe</i>	630
Ivanov D. V. <i>European Engraving of the XVIII Century in the Mongolian Collection of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography</i>	660

Ogneva E. D. <i>Sacral Visual Art in Tibetan Tradition: History of Collections in Odessa Museums</i>	665
Parshikova I. V., Denzong N. <i>Origins and History of Buddhist Statues, Their Traditional Painting and Their Role in Vajrayana</i>	679
Romanova S. V. A. V. <i>Adrianov's Collection as Evidence for Adoption of Buddhism by the Tuvans in late XIX Century</i>	686
Sokolov A. B. <i>Buddhist Stupa: History and Purpose</i>	689
Trofimova E. A. <i>Architectural Features and Esthetical Distinctiveness of Saint-Petersburg Datsan Gunzechoyney</i>	697
Fyodorova M. V. <i>Collection of Sculptures Depicting the Tsam Mystery Characters, Russian Museum of Ethnography</i>	703
Haderer E. <i>Representation of the Shamarpas of the Karma Kagyu Lineage in the Stupa of Elista/Kalmykia in Russia</i>	705

Buddhism: Reception and Contemporary Social and Cultural Practices

Akhmedyanova A. H. <i>Vajrayana Buddhism from the Standpoint of Aikido Philosophy</i>	723
Banayeva M. G. <i>Buddhism and its Influence on Buryat Life Cycle Rites in a Modern Metropolis</i>	728
Bernukevich T. V. <i>Selected Characteristics in Adoption of Buddhist Ideas in Russian Literature and Philosophy of late XIX – early XX Century</i>	736
Golikov F. N. <i>Concepts and Methods of Vajrayana in Training of a Contemporary Project Manager in Russia</i>	744
Erokhin B. R. <i>Pilgrimage as Buddhist Practice: the Tantric Aspect</i>	753
Zabiyako A. P. <i>Does Buddhism Possess Immunity to Violence? Discussional Problems of Theory and Practice</i>	767
Kolomyts D. M. <i>World-view and Possibilities of Development of Human Consciousness</i>	773
Kuus Ya. V. <i>Ideas about Happiness in a Multicultural Space</i>	778
Nagornaya N. A. <i>Vajrayana and Zen in «Chapayev and Pustota», a Novel by Victor Pelevin</i>	785
Rayeva T. V., Sosnovskikh E. G. <i>Ideas about Buddhism and Buddhists among Students of a Higher Education Institution</i>	792

Buddhist Education in Russia

Batyreva S. G. <i>Fundamentals of Buddhism and Graphic Arts (sharing the experience of teaching in the Kalmykia education system)</i>	798
Vetluzhskaya L. L. <i>Buddhism and Contemporary Education System</i>	804
Ermolin V. Yu. <i>Systematic Buddhist Education in the Karma Kagyu Tradition in Russia and Abroad</i>	810
Kuzmina L. S. <i>Teaching Buddhism in School: the Germany Experience</i>	816
Kuus Ya. V. <i>Some Ethnopsychological Aspects of Teaching Religious Cultures Basics at School</i>	820
Kushnerik R. A. <i>Teaching and Study of Buddhism in Higher Professional Education (based on examples of higher education institutions of Altai region)</i>	823
Marzayeva M. B. <i>On Teaching of Fundamentals of Buddhism in Kalmykian Schools</i>	827
Rayeva T. V., Sosnovskikh E. G. <i>The Experience of Teaching Religious Study Subjects in Higher School (on the example of the South Ural State University)</i>	833
Saldusova A. G. <i>Science about Humans and for Humans (in the context of Buddha's Teaching)</i>	839
Urbanayeva I. S. <i>Traditional Buddhist Education and its Contemporary State</i>	842
Koibagarov A. Sh. <i>Buddhist Education in Russia (summary)</i>	850
<i>About contributors</i>	851

БУДДИЗМ ВАДЖРАЯНЫ В РОССИИ: ОТ КОНТАКТОВ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

научное издание

Ответственный редактор:
доктор культурологии А. М. Алексеев-Апраксин

Executive Editor:

A. M. Alekseev-Apraksin, DS in Culturology

Редактор-составитель: В. М. Дронова

Compiling Editor: V. M. Dronova

Фотографы: Ф. Дронов, А. Чикин

Photographers: Ph. Dronov, A. Chikin

Оригинал-макет: Е. Соколова

Layout original: E. Sokolova

Дизайн обложки: А. Бельтюкова

Design: A. Belyukova

Проведение III Международной научно-практической конференции

«Буддизм Ваджраяны в России»

планируется 21–24 сентября 2012 года во Владивостоке

The III conference «Vajrayana Buddhism in Russia»

is planned to be held in September, 21–24st, 2012 in Vladivostok

www.vajra-conference.buddhism.ru

www.Buddhism.ru

Издательство «Алмазный путь»

Россия, 103051, Москва, Петровский бульвар, 17/1-35

Почта: buddhism.ru@buddhism.ru

Отдел сбыта: books@buddhism.ru

Лицензия ИД №02983 от 06.10.2000 г.

Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.

Подписано в печать 26.12.2011 г.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 58,85.

Тираж 700 экз. Заказ